Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

литературно-художественный журнал ТЮЛ.А.П.П.

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР.
ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ:

ЗИНКИНО ДЕЛО — Н. Стрекопытов.
ТРИ ДОЛЛАРА — Г. Волдайский.
УДАРНИКИ — А. Кремень.

СТИХИ:

КЕРЕНСКИЙ — С. Володин.
МОСТОВАЯ — Ф. Сачков.

ОЧЕРКИ:

БОЙЦЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ — Ив. Костин.
МУСКУЛЫ и МЫСЛИ — Ф. Кузнецов.

СТАТЬИ:

ЗА ПРОЛЕТАРСКИЕ КАДРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ — А. Сурков.
ПОМОЧЬ РОСТУ ПИСАТЕЛЯ-КРАСНОАРМЕЙЦА.
О ПЕРЕСАДКЕ ГРАФСКОГО САДА НА МУЖИЦКИЕ ОГОРОДЫ.
ХРОНИКА и ФОТО-ХРОНИКА.
ОТВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПИСАТЕЛЯМ.

05
М729

Февраль 1930 года. № 2 (39)

СОЗДАТЬ РАБОЧИЕ КАДРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ.

(Итоги первой областной конференции МАПП).

ОБСТАНОВКА развернутого социалистического строительства, в которой протекала работа первой московской областной конференции пролетписателей, и сдвиги, которые в связи с этой обстановкой наметились за последние месяцы в литературной среде, придали конференции значение события, далеко перерастающего областные рамки.

На ряду с отчетливой консолидацией классово-враждебных пролетариату сил, отмеченной осенним пленумом РАПП, за последние месяцы четко наметились и процессы обратного порядка. Консолидация коммунистических и революционных сил в литературе из поставленного лозунга обратилась в конкретную практику пролетлитературного движения.

Вступление в РАПП группы коммунистов-критиков, группирующихся вокруг ИКП и РАНИОНА, явилось первым шагом к осуществлению консолидации коммунистических сил на литературном фронте. Эта группа, в течение долгого времени поддерживавшая методологические установки профессора Переверзева, в результате дискуссии, начатой журн. «На литературном посту» и продолженной «Правдой», пересмотрела свои методологические взгляды и оценила литературоведческую концепцию Переверзева как меньшевистскую и псевдомарксистскую.

За последнее время имело место публичное выступление пролетписателей «Кузницы» с письмом-декларацией о желании влиться в ряды РАПП.

На самой конференции были сделаны заявления о желании вступить в РАПП со стороны представителей наиболее левых слоев попутничества. Заявил о желании вступить в РАПП т. В. Маяковский, с коллективным заявлением выступила группа конструктивистов, подали персональные заявления поэты Э. Багрицкий и В. Луговской.

Все эти факты показывают, с одной стороны, наличие сдвигов влево в наиболее революционной и близкой пролетариату части попутничества, желание отдельных элементов революционного попутничества теснее связать свою политическую и творческую судьбу с пролетарской литературой и, с другой стороны, являются новым доказательством правильности той литературно-политической линии, которая была в течение всей истории движения положена в основу деятельности РАПП.

Одновременно с этим выступления на конференции т.т. Полонского и Горбова показали, что далеко не всеми коммунистами, работающими в литературе, поняты задачи, вытекающие из лозунга консолидации коммунистических сил. Вместо честного большевистского признания капитулянтских ошибок своей литературной практики, эти товарищи, под прикрытием хороших слов о консолидации, сделали новую попытку утвердиться на старых капитулянтских позициях.

К числу явлений такого же порядка должно быть отнесено и заявление „Кузницы“. При больших и необоснованных претензиях оно не содержит в себе ни малейшего намека на самокритику, признания очевидных для всех грубых ошибок творческой и литературно-политической практики этой группы и последовательных выводов, вытекающих из признания ошибок. Заявление „Кузницы“ поэтому может быть расценено, как жест, а не как серьезное желание на деле влиться в общий поток пролетлитературного движения для борьбы за гегемонию пролетарской литературы.

Конференция, целиком одобрив политическую линию правления РАПП, обязала руководство последовательно и неуклонно проводить во всей дальнейшей работе линию на действительную консолидацию всех коммунистических, пролетарских сил в литературе, линию, построенную на основе четкого, последовательного и принципиального, идейного размежевания РАПП со смежными революционными направлениями в литературе.

Приемом в ряды РАПП тов. Маяковского, Багрицкого и Луговского конференция показала, что те писатели из левой части попутничества, которые в своей творческой практике тесно связали свою судьбу с пролетариатом и органически переходят на рельсы пролетарского мировоззрения, могут быть приняты в движение с тем, чтобы внутри его завершить процесс полного перехода на идейные позиции пролетариата.

Одновременно с этим, в отношении группы конструктивистов в целом, конференция, принимая во внимание ряд серьезных и органически не переоцененных философских и политических ошибок, совершенных этой группой, указала, что представители ее могут быть приняты в РАПП лишь по мере творческого зарабатывания ими звания пролетарских писателей.

Пролетарское литературное движение с максимальным усилением и улучшением работы с наиболее близкими пролетариату слоями попутничества должно обеспечить условия для более быстрого перехода этой части писательства на идейные позиции пролетариата.

* * *

Важнейшим и первоочередным лозунгом внутренней работы РАПП в реконструктивный период является лозунг большевизации движения, принятый сентябрьским пленумом РАПП. Пленум, выдвигая этот лозунг, указал, что „большевизация движения пролетписателей обозначает повышение социальной актуальности творчества, повышение теоретического марксистско-ленинского уровня пролетписателей, увеличение удельного веса в организации рабочего ядра и превращение его в основное ядро РАПП, широкое развертывание самокритики внутри МАПП, активизацию общественно-политической деятельности МАПП, без какого бы то ни было ослабления внимания творческим проблемам

В зале конференции МАПП.

Разрешая под углом зрения этой директивы все вопросы, связанные с работой крупнейшего пролетписательского об'единения, каким является РАПП, конференция поставила ряд практических задач, обеспечивающих быстрейшую перестройку всей системы работы применительно к условиям реконструктивного периода социалистического строительства.

Ни в малейшей мере не ослабляя борьбы против проявления правого уклона и капитулянтства, а также всевозможных рецидивов «левых» загибов в литературной практике, широко развертывая самокритику внутри движения, организация должна перестроить свою работу так, чтобы в течение года обеспечить наличие в составе организации не менее 80 проц. рабочих.

Продвигая работу на крупнейшие промышленные единицы области, МАПП должен обеспечить для новых рабочих кадров максимально благоприятную обстановку для творческого роста, обеспечить всей практикой воспитания в кружках возможность поднять из массы начинающих рабочих писателей достаточно мощные кадры пролетписателей, вооруженных диалектико-материалистическим творческим методом.

Эта задача может быть успешно разрешена лишь в том случае, если со стороны органов пролетарской общественности на местах будет изжито несерьезное, наплевательское отношение к вопросу создания пролетарских литературных кадров. До сего времени, как это было установлено на конференции, местные кружки и группы в большинстве случаев не захвачены даже крашком внимания со стороны местных общественных организаций и на их работу смотрят как на „баловство“ и развлечение для души.

Литература—один из важнейших участков идеологического воздействия пролетариата на широкие массы трудящихся. Этого нельзя недоучитывать тогда, когда речь идет о пролетарских литературных кадрах. Вот почему вопрос о подготовке этих кадров должен занимать не только внимание самих писателей, но и самой широкой пролетарской общественности.

Увеличение социальной актуальности творчества пролетписателей, ликвидация тематического отставания пролетлитературы могут быть достигнуты лишь в том случае, если основная масса пролетписателей будет повседневно органически связана со всеми процессами классовой борьбы и социалистического строительства, происходящими в Союзе.

Не пассивным созерцателем строительных процессов, а живым, активным участником великой стройки должен быть писатель пролетариата. Только при таком условии его творчество будет действенным орудием социалистической перестройки человеческого материала переходного периода.

Тульская делегация конференции МАПП на выставке 20-летия поэтической деятельности Вл. Маяковского.

На снимке: 1. В. Старцев, 2. Пантюшенко (Тверь), 3. А. Сурков, 4. А. Фадеев, 5. Вл. Маяковский, 6. В. Ставский, 7. В. Сретенский, 8. Н. Стрекопытов, 9. Я. Чужанов.

Основным творческим вопросом на конференции стоял вопрос о положении в пролетарской поэзии.

Если в прозе и драматургии последние годы принесли пролетарской литературе ряд достижений, обеспечивших широкое и заслуженное внимание рабочего читателя и зрителя, то в поэзии во все эти годы шли обратные процессы.

Ряд поэтов, сделавших эпоху на стыке между военным коммунизмом и нэпом, в условиях реконструктивного периода показал отставание и признаки творческого застоя. Подрастающий молодняк, выросший и творчески складывающийся в «мирный» строительный период, не обогащенный опытом непосредственного участия в процессах классовой борьбы и строительства, застыл на невысоком уровне литературного ученичества, сдобренного большими дозами некритического восприятия наследства поэтических школ последнего периода русского капитализма.

Всем этим об'ясняется бестемье отвлеченность, расплывчатость и страшное идейное мелководье поэтической продукции литературного молодняка последнего периода.

Лирический жанр по самому своему характеру требует от поэта органического выявления своего мироощущения. И поэт, претендующий на звание пролетарского, может им сделаться в том случае, если будет до зубов вооружен боевой философией пролетариата — диалектическим материализмом, когда он получит способность не только понимать, но и ощущать мир с точки зрения этой философии.

Только при этом условии пролетарская поэзия может критически переоценить и использовать для построения своего творческого метода поэтическое наследие старой культуры и найти новые формы развития лирического жанра, органически созвучные эпохе выкорчевания корней капитализма, эпохе коренной перестройки человеческой психики.

В пролетарской литературе есть материал, пригодный для перестройки в этом направлении, РАПП, усиливая внимание вопросам поэзии, сосредоточивая на разработке поэтических проблем и обобщении творческого опыта имеющиеся кадры лучших критических сил, должен помочь скорейшей выработке творческого метода пролетарской поэзии.

В противовес методам огульного захваливания или беспардонного заезжательства, которые имели место в течение последнего времени на страницах некоторых изданий, должна быть создана обстановка серьезной принципиальной и деловой критики поэтической творческой продукции и обеспечено широкое свободное соревнование творческих направлений внутри пролетарской поэзии, соревнование, об'единенное одним устремлением—создать в лирическом жанре творческий метод диалектического материализма.

Особенно остро стоит вопрос о создании кадров рабочих поэтов. Ни на одном участке литературы рабочая прослойка не низка так, как в поэзии. Сюда должно быть брошено внимание организации, и здесь нужна долгая, кропотливая, упорная работа над воспитанием кадров.

Ал. Сурков.

Н. СТРЕКОПЫТОВ

Зинкино дело

Рассказ

Ай-да Зинка! А ты еще говоришь: баба,— подмигивал сосед Зины по станку, токарь Чеков, своему товарищу Орлову.

Зина, по адресу которой «прокатывались» вечно отстающие от других рабочих симулянты и друзья по бутылкам Чеков и Орлов, угадывала по тону «похвалы», что под ней плохо скрывается неприязнь, и, упрямо закусив губу, казалось, не обращала внимания на окружающих.

Косой луч солнца, перебежав с потолка по стене, скользнул по лицу Зины и на несколько минут задержался на ее станке, весело играя на отшлифованной поверхности зажатого в центре веретена; затем перескочил на пол и затерялся где-то между станками.

—Антоныч! Ты только погляди: не девка, а машина,— остановил Чеков проходящего старичка-рабочего Павлова, больше известного, как Антоныч.

А ты брось зубоскалить,—дал отпор хулигану Антоныч. —Работает она—тебя не трогает; не мешай и ей работать!

—Нет, ты не ерепенься! Я разве мешаю ей? Я, наоборот, можно сказать, приветствую ее, как передовую, активную женщину...

—Да замолчи ты, пустобрех!—отмахнулся от надоедливого Чекова старик и пошел к своему станку.

И что дурачье к девке пристали? Работает очень хорошо, и брака почти совсем нет, и делает быстро: от лучших токарей не отстает,—думал Антоныч про Зинку, привертывая резец, только-что заправленный у наждачного кружка.

А Зина, казалось, забыв все, кроме своей работы, наклонившись к станку, проворно крутила рукоятку, быстро откатывая супорт, меняла обточенное веретено и подводила к новому. Быстро вращается шкив станка, крутя веретено, прихваченное хомутиком, и, кажется, не резец двигается вперед, а само веретено вытягивается, ввинчиваясь к заднему центру.

Глядя на бегающие руки Зины, видишь, как скорость станка передалась ей, как работа захватила ее, увлекла, и Зина теперь больше похожа не на живую активистку-комсомолку Зину Павлову, а на одно целое со станком существо.

Работая, Зина думала о том, как трудно ей бороться с симулянтами Орловым и Чековым и переломить безразличие окружающих ее рабочих. Зина видела, как много времени уходило на курение, разговоры во время работы и наконец, на медлительность движений. Ей была неприятна сонливая неповоротливость этих рабочих.

Вспомнился случай, когда, не поняв ее честных стремлений, многие рабочие осудили ее как выскочку и карьеристку за то, что она, подняв норму выработки, отказалась от повышения зарплаты.

Первое время многие с ней даже не разговаривали, но потом обострение сгладилось, и, следуя примеру Зины, еще несколько человек добровольно повысили нормы на своих переходах.

Теперь о Зине зло уже не говорят. Только более неисправимые нет-нет да и пустят острую «шпильку» по ее адресу, мстя за «карьеризм».

—Ничего, вытерплю!—подбадривает себя Зина —Небо раньше еще хуже было. Совсем одной приходилось, всякой поддержки бороться против всех, а теперь... улы скользнула по лицу Зины: вспомнился вчерашний случ

Чеков с Орловым, остановив свои станки, больше ч рассказывали друг другу о вечерних похождениях.

Проходивший мимо инженер, заведывающий мастерск сделал им замечание, и когда они принялись за работу, ок каждого стоял техник-нормировщик и проверял их рабо

С сегодняшнего утра им об'явили о повышении нор при чем по хронометражу выходило, что норма должна б почти такой же, какую об'явила в свое время Зина и кую теперь выполняют почти все токаря с ее перехода.

Смеялась Зина и потому, что с утра к закадычн приятелям и собутыльникам подходили рабочие и поздр ляли их с проявленным к ним особым вниманием.

Она была довольна, что наконец-то лодыри возьму за работу как следует, и ей невольно захотелось взглян на их станки.

Не успела Зина повернуть голову, как вскрикнув нестерпимой боли и неожиданности, схватилась рука за глаза, потеряв равновесие, упала на свой станок.

Вращающийся хомутик болтом захватил прядь Зинин волос, выбившихся из под косынки. Дикий вопль, глу шум мастерской, оторвал всех от работы.

Прошло всего лишь несколько мгновений, пока сосе Зины остановили ее станок, ножницами отрезали намот шиеся на веретено ее волосы, бесчувственную, упавш в глубокий обморок Зину отнесли в приемный покой.

Благодаря во-время подоспевшей помощи, Зина отде лась сравнительно легко: несколько ссадин и синя на голове, да пряди вырванных волос были результат захвата станком. Но с глазами дело обстояло хуже. —Б шенная кем-то тряпка попала в лицо Зине, и мел металлическая стружка засорила оба глаза.

Кто бросил тряпку, установить не удалось, но поч все рабочие подозревали в этом Чекова и Орлова, котор после события себя держали как-то неестественно-растеря но, что было очень заметно и выдавало их.

А Зина тем временем лежала в больнице с завязанны глазами и ждала операции.

Доктор предупредил ее, чтобы она не моргала, т. стружки могли проколоть роговую оболочку глаза и ост вить Зину слепой.

А глаза жгло, резало, и от боли слезы сбегали из п бинта на виски лежащей навзничь Зины.

—За что они меня?—тихо плакала Зина, судорож кривя рот, и ее тихий плач заставлял торопиться готов щих к операции инструментарий сестер и врача.

В мастерской попрежнему все работали, и только З нин станок стоял осиротевшим.

А когда задребезжал звонок в конце рабочего дня, О лов подошел к станку Зины и, смутившись немного, см с него стружку и вытер начисто тряпкой.

Все рабочие с удивлением смотрели на Орлова, ред и свой станок убирающего, как следует, а теперь тако старательного, но они молча проходили мимо него.

В мастерской было все по-старому, если не считать отсутствия Зины, освобожденной доктором временно от работы и кое-каких других перемен.

Чекова уволили за четырехдневное пьянство и драку в мастерской, а Орлов вдруг стал примерным рабочим, старающимся выполнять работу сверх нормы. Его теперь видели приходящим на работу одним из первых и уходящим после всех.

Когда с ним кто-нибудь начинал разговаривать, то поражался: Орлов был неузнаваем. Грубость и резкость исчезли вместе с ленью.

Над его слишком заметной переменой начали было подтрунивать, но и тут Орлов оказался не прежним Орловым-хулиганом. На шутку товарищей он отвечал остроумными и скромными шутками, и скоро его больше уже не задевали.

* * *

—Зина, а к тебе там пришел товарищ!—вошла в комнату-мать.— Зови мама: кто-нибудь из наших с завода.

Смущенный, застенчиво вертя в руках шапку, в комнату вошел Орлов.

—Я, товарищ Павлова, к тебе пришел. Проведать, да посоветоваться хочется кое о чем. В мастерской мне не с кем поговорить; знаешь сама, как на меня там смотрят и избегают разговоров со мной.

—Садись, Вася! Мне кажется, что ты не совсем прав. Прежде всего ты и на самом деле к производству относишься отвратительно. И пока твое отношение к работе не изменится—пеняй на себя: ждать товарищеских отношений от окружающих трудно. Вот начни работать, как другие работают, и все относиться к тебе будут иначе.

Нет, Зина, с тех пор, как с тобой зло пошутил Чеков, меня, я чувствую, презирают все, как бывшего его товарища. А работаю я сейчас на совесть... Кстати, Зина, когда ты думаешь выйти на работу?

—Скоро, Вася, скоро! Вот доктор говорит, воспаление наз пройдет, и можно будет работать. Да я и сама чувствую себя значительно лучше. А первое время, ты себе и не представишь, какая была мучительная боль...

Вася поднялся уходить.

—Ты куда же? Оставайся, сейчас самовар поспеет: чай удем пить. Посиди?

Спасибо, Зина! Я думаю, что уже надоел тебе, да и приятно ли тебе мое присутствие?

Сиди, Вася, сиди! Я еще о многом хочу с тобой поговорить. Как там у нас работа? Все ли идет хорошо и какие новости?

Последние признаки застенчивости исчезли с лица Васи, и через час он довольно развязно и шутя рассказывал о мастерской, о городских новостях, о себе и о своей жизни и о Чекове, которого видел сильно пьяным и валяющимся где-то на улице.

Уходить Васе не хотелось. Время летело незаметно, и только когда часы пробили одиннадцать ударов, Орлов побежал домой, чтобы отдохнуть перед работой.

Ложась спать, Зина долго думала о Чекове, Васе и др. Ей искренне было жаль свихнувшегося Чекова. Почему-то она считала и себя виноватой в падении Чекова.

—А Вася...—Зина улыбнулась—Неужели Вася окончательно исправился?

Она долго не могла заснуть, ворочаясь с бока на бок, и когда, наконец, ее мерное дыхание показывало, что она спит, вошедшая, чтобы погасить лампу, мать заметила на лице Зины радостную улыбку.

* * *

Варя Сметанникова, Зина и Коля Сахаров пришли из комсомольской ячейки сильно возбужденные, продолжая какой-то разговор.

—Я уверена, Николай, что наша инициатива встретит поддержку среди беспартийной молодежи,—горячилась Зина —Вот и Варя также думает, а ты не веришь. Давай испытаем,—кому-нибудь предложим сейчас же присоединиться к нам.

—Кому ты предложишь? Здесь все либо рвачи, либо лодыри,—презрительно буркнул Сахаров.

Напрасно ты так думаешь! Вот возьмем, примерно, Васю Орлова,—разве он не согласится вступить в ударную бригаду?

—Хо-хо, тоже нашла кому предлагать! Нечего сказать: попала пальцем в небо!

—Николай, не думай так плохо о Васе! Я с ним говорила и уверена, что он не так уже испорчен, как это вам почему-то кажется.

—Не будем спорить. Предлагай ему, Зина!—прервала спор Варя, и они разошлись к своим станкам.

После работы первая ударная бригада молодежи делала вызов через стенгазету остальным рабочим мастерской.

Под вызовом стояли подписи Сметанниковой, Зины Пановой, Сахарова и Василия Орлова.

Фото Федорова

Работницы ликвидируют свою неграмотность.

На снимке: занятия в школе ликбеза при клубе „Красный Строитель".

БОЙЦЫ

за социализм.

(Очерк Ив. Костина).

I. О болоте и голубях.

ПРУД бывает хорош только до тех пор, пока есть сток, пока где-то, журча и сверкая по камушкам, бежит вода.

Когда же прекращается этот сток и вода застывает, как в банке, пруд плесневеет. Со дна подымаются серые водоросли и несметными полчищами идут к середине пруда, превращая его в болото. Зыбкая трясина замирает в обреченной неподвижности. Также неподвижно повисают над ней кислые запахи тления.

Иные дома похожи именно на такое болото: жизнь идет мимо них, а они упорно не хотят впустить в форточку свежий воздух.

Крепкий и осанистый домик Петра Федоровича на Ствольной улице является таким примером этого застывания.

Жена Петра Федоровича, сухонькая и злая старушка, аккуратно тащилась в церковь, стояла в очередях за катушками, зажигала вечером сморщенные фитили лампадок и ругала сыновей.

Сыновья жили в строгом подчинении. Здоровенные, краснощекие верзилы боялись сухонькой старушки, не дававшей им есть и отбиравшей у них костюмы в случае малейшей провинности, которая обыкновенно выражалась в желании пойти в клуб или в чем-нибудь подобном.

Петр Федорович работал на заводе и гонял голубей. Больше он ничего не делал. Страсть же его к голубям была необычайная. Говорят, что однажды он мылся в кухне, но, увидав чужих голубей на своей голубятне, выскочил и бросился по лестнице на крышу с сеткой в руках. Старания его были награждены успехом: через несколько минут он, к удовольствию соседей, плясал на крыше и любовался пойманным «чалым». Вдоволь насладившись успехом, Петр Федорович хотел привычным жестом сунуть голубя за пазуху, но... пазухи не оказалось: Петр Федорович был совершенно голый. Голубь улетел, трепеща крылами.

Этот случай был единственным событием в жизни Петра Федоровича и сухонькой старушки.

И вдруг свалилось на домик: ст... шему сыну итти в Красную арм... Старушка, узнав об этом, весь д... ходила молча и даже позабыла выруг... парней за то, что они были в клу... Старший же сын весело насвистывал... дворе: он понял, что вырвался из бол... и что перед ним лежит широкий голу... путь.

Его командировали в Смоленск. С... мандировкой рухнула последняя надеж... старушки удержать сына, научить... думать и чувствовать так, как дум... и чувствует она, давно пережившая с... век и не понимающая новой жизни.

Она почувствовала, что из Крас... армии ее сын таким не вернется.

И верно: первое письмо его из ар... убедило ее в этом. Старушка, не на... ни одного упоминания о боге, увид...

Пусть дымят заводы и пашни поднимают колонны тракторов. Пусть вся страна покрывается лесами стройки фабрик и заводов и села сливаются в коммуны,—они обеспечены надежной защитой.

1. Вылазка в поле, в леса.
2. Стрельба в тире.

что сын уже не тот, каким она его провожала, расплакалась и стала собирать вещи, чтобы ехать в Смоленск.

Вечером она вышла на улицу, залитую багровым полыханием заката, и долго стояла одна, слушая, как шумит ветер, как звенят голоса ребятишек, возвращающихся из школы. Стояла и думала о Смоленске, о сыне, о голубях и катушках...

Потом повернулась и медленно пошла к дому. Она решила не ездить в Смоленск.

Калитка в первый раз осталась незатворенной.

2. Бирюковы побеждают.

Старушка была права: ездить в Смоленск бесполезно. В нашей стране идет грандиозная стройка, и ее не остановить никому. Подымаются корпуса новых фабрик и заводов. Подымается новый человек — человек-борец, человек-строитель.

Ничто не остановит его роста.

Красная армия не только учит с винтовкой в руках защищать страну,—она воспитывает и готовит бойцов на фронте социалистического строительства.

Старая серая казарма, в которой отупевшие и измученные солдаты получали зуботычины и мутную похлебку, окончила свой век вместе с Николаем последним.

Большие, светлые и чистые комнаты. Ряды кроватей. Матовый блеск зеркал. Перезвоны балалаек.

Голос докладчика, раз'ясняющего волнующие красноармейцев вопросы.

Треск киноаппарата в зале, столы с газетами и журналами—вот что такое «новая казарма».

Утром, когда город лежит еще в белом тумане, начинаются занятия: военная учеба, общеобразовательные предметы, политчас. Вечернее время отдано кружковой учебе. Колхозники, радиолюбители, музыканты и художники расходятся по комнатам. Один-два красноармейца в спальне строчат письма в родную деревню или город. Пишут о том, что они

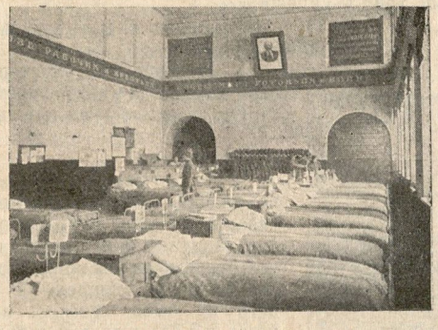

Лыжный пробег красноармейцев из Тулы в Москву. На снимке: на одном из перегонов.

узнали здесь, дают односельчанам советы, как организовать колхоз, как повернуть жизнь по-новому.

Старушка была права: ездить в Смоленск бесполезно...

Я расскажу об одном из тех, кого

В казарме.

Красная армия научила строить новую жизнь и бороться за нее—о Бирюкове.

Жизнь этого скуластого, быстрого и веселого парня началась в худосочной избенке с. Лебяжье, Воловского района.

От нищеты и тоски Бирюков убежал из деревни. Батрачил. Трясся на возу по Москве в фартуке возчика. Был в Харькове, Одессе, Мариуполе. Два года прослужил в Красной армии и пришел в родную деревню. Лебяжьевская молодежь сгруппировалась вокруг Бирюкова и пошла в наступление на старое Лебяжье.

На перевыборах сельсовета кулаки потерпели поражение. Старый председатель совета Дудов, ставленник кулачья, предчувствуя свой крах, прилепил на двери избы Бирюкова записку:

«Колька, если будешь ходить на собрания и разевать рот, тебе будет плохо. Лучше молчи больше! Будешь сыт и пьян».

Но Бирюков не захотел быть сытым и пьяным по-дудовски. Он не прекратил своей работы. Кулачье за угрозы Бирюкову было арестовано.

С утра до позднего вечера галдели крестьяне в день перевыборов. После долгих дебатов Бирюков прошел в сельсовет единогласно.

Пришел и принялся подготовлять вступление в колхоз. Беседы на покосе, читка устава коммуны, экскурсии в «Красивую мечь» сделали свое дело. В то время, когда героическая ОДВА на Дальнем Востоке защищала границы Советского Союза, в деревне Лебяжье демобилизованный красноармеец Бирюков делал революцию.

Теперь нет прежней деревни Лебяжье. Теперь Воловский район — сплошной колхоз.

Бирюковы побеждают.

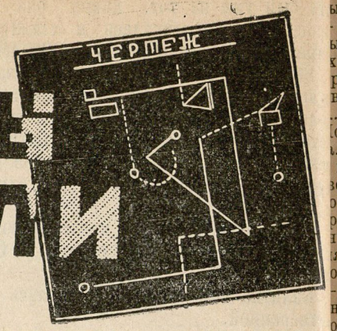

Молодые красноармейцы изучают винтовку.

Пулеметчики на занятиях.

МУСКУЛЫ И МЫСЛИ

Очерк Ф. Кузнецова.

ПРОШЛО десять лет, и я вновь в том корпусе, где когда-то работал. Это был большой корпус, но теперь он кажется еще величественнее: всюду стоят станки разных величин и систем. Вот огромные, как черепахи, строгальные и шлифовальные. Вот кабестанные с каретками, как щупальцы, разбросаны кругом сверла и резцы. Дальше—фрезерные с шарошками; последние, рыча, точно от голода, жуют чугун, сталь, железо. Дальше, я вижу, ряд за рядом вертятся валы трансмиссии, приводы, ремни. Всюду в корпусе налита густая синь.

Я иду по блестяще отшлифованным ногами рабочих железным плитам, а надо мной

Дубенский завод. Строится новый цех.

с жутким свистом движется большой черный под'емный кран и тянет с собой на цепи чугунные брусья для ватермашин, разбрасывая их по строгальным и шлифовальным станкам на обработку. Сотни тонн металла изо дня в день подает кран то в одном, то в другом направлении.

— Кузьмич!— кричит кто-то мне со стороны. Я оглядываюсь.

— А, товарищ Блинов! здравствуй!— обрадованно встречаю я его! Он такой же светлый, низенький, юркий и веселый.

— Ты что? Ай работать к нам?— спрашивает он меня.

— Да, думаю.

Вот хорошо, а то ты оторвался от производства. Теперь работа больше бригадная, не то, что прежде в одиночку, и работают крепко!

Он говорит со мной, а кругом, чувствуется, кипит напряженная трудовая жизнь. Рабочие ходят все серьезные, проникнутые одной мыслью—поднять производство, строить социалистическое хозяйство, выполнить в четыре года пятилетку.

— Смотри, вон идет Мишка Савищев!— крикнул Блинов и указал на него пальцем. Идет он с развальцем,— такова его походка,—и, завидев меня, улыбается. Мы поздоровались. Он теперь мастер ремонтного цеха.

Все они находятся на производстве, им некогда со мной говорить: минуты дороги.

Кто-то сказал про меня Борису Чучину. Смотрю, идет и он, тонкий, худой... Уже потерял зренье—в очках, смотрит поверх их на меня и спрашивает:

— Хочешь у нас устроиться? Кого ждешь?

— Товарища Санаева.

— Наверно по мастерской ходит. Где-нибудь занят.

Стали искать,—не нашли.

Жди здесь—придет, а я пойду.

В капиталистическое время Чучин был непокойный человек: из'ездил много городов. Поругается бывало с начальством и до свидания. Забирает жену, детишек,— а у него их было четверо, на поезд и айда в другой город, в поиски за заработком, ибо пролетарию нечего терять. Теперь Борис Чучин остепенился и сознал то, что в советском государстве порядки одни и те же везде и ругаться не с кем.

Главное производство в машиностроительном отделе, это — изготовление ватермашин для текстильного производства, которые раньше вывозились исключительно из-за границы.

Сперва дело с этими машинами плохо лаживалось: то путали чертежи, то не б подходящих станков. Но многими усили дело наладилось, работа пошла в ход.

—Какова же теперь программа выраб в месяц?—спрашиваю я товарища Киселе выдвиженца-рабочего, заместителя заве вающего ТМСО.

— Тридцать машин.

Киселев—партиец, еще молодой челов ему не больше тридцати лет. Он—стойк серьезный коммунист. Он болеет за пр водство и вечно занят одной мыслью— улучшить дело, как изжить недостатки.

— А год тому назад сколько выпуска машин?—спросил опять я.

— В три раза меньше... Теперь все тем, улучшаем дело.

— А через пять лет?

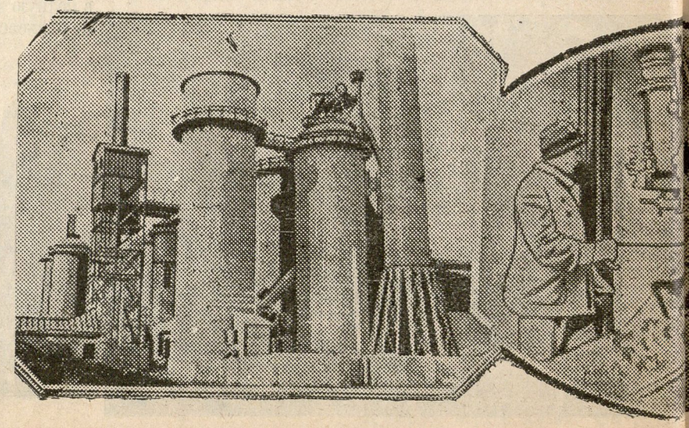
— О!.. Через пять лет!—по нескольку удесятерим дело.

Я чувствовал, как он горел внутрен восторгом за дело социалистического с ительства.

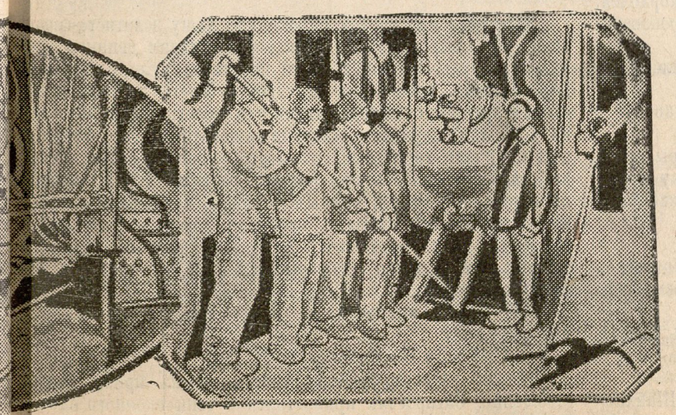
Ряд за рядом в мастерской стройно яли собранные и не собранные машин около них копошились люди, в большин молодежь; старики—только бригадиры. делается машинально, быстро, как никог старое время.

Мысли и мускулы напряжены, казал в одном ритме движений. Здесь курят ре некогда, работа зовет. Старики и молодеж каждый знает свое дело: все разделено, р числено...

И когда возникает в работе тормоз быстро на это реагируют. Собираются в с денное время на обсуждение неувязок. И горячие споры... Видно, что они все заин ресованы, все горят энтузиазмом и все леют производством.

Косогорский завод.—Общий вид завода.

Готовят выпуск литья.

ыступает молодой парень, комсомолец: - Мы, комсомольцы, вот так думаем, что ыполнить программу: создать работу по ходам, каждый должен знать свое дело. румент об'единить... Говорят, у некото- в бригаде холодок появился, лодыри .. Лодырей вон! Так по-моему...

олодой человек горел, горели черные .

кабинете заведывающего вся бригада— век тридцать. Все серьезно слушают, о курят, потому что есть время. Адми рация—несколько человек — записывает ные предложения в блок-нот, а предло- я сыплются без конца. Выяснить надо ое, а времени так мало...

- Товарищи, короче, короче!— Идут за- ния. Но как сказать короче, когда так о набежало вопросов, и все они теребят и в головах и снуют, точно челноки в ве.

мастерской то там, то здесь цеховые ания. Спрашиваешь, подходя к группе: Что здесь?

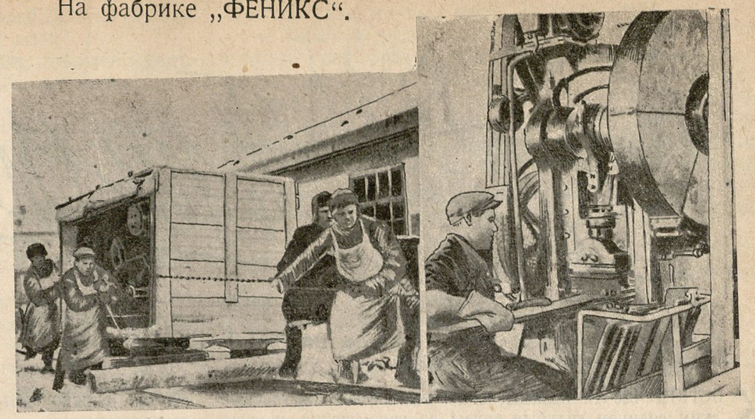
Сезонник за работой по оборудованию внутреннего помещения.

Что? Ай не знаешь?—разговор о бригаде. Бригады растут, крепнут... развивается движение.

Звонок. Обед кончился. Все, как один, на своих местах у станков и тисков.

Раньше генерал проходил по мастерской с лотыми эполетами.

На фабрике „ФЕНИКС".

На фабрике „Феникс" установлены новые заграничные станки.
1. Станок прибыл, 2. За новым эксцентр. прессом.

— Пора начинать! Эй, вы, лодыри!

Старший мастер ему вторил.

— Эй, довольно чай пить! Ну!..

Молча расходились, лениво начинали, знали, что работали для империалистов.

Теперь не то: сами охотно берутся за работу, а когда нужно и старших за лодырничество призовут к порядку.

Слышу зажужжали моторы, завертелись трансмиссии, станки... Сперва медленно, тихо, а потом все возрастая... Звон, свист, шелест — все смешалось в одно: в музыку металла.

Я и другие товарищи работаем на заготовке частей к ватермашинам по одиночке, не в бригаде. Не знаю, как другие, но я чувствую себя, как бедняк крестьянин - индивидуалист, на жалкой полоске.

Я спросил у одного из рабочих:

— Товарищи! Почему не об'единяются в бригаду?

Он улыбнулся и ответил:

— Говорят, нельзя: много лодырей окажется, работа ослабнет.

И твердо добавил:

Неправда это.

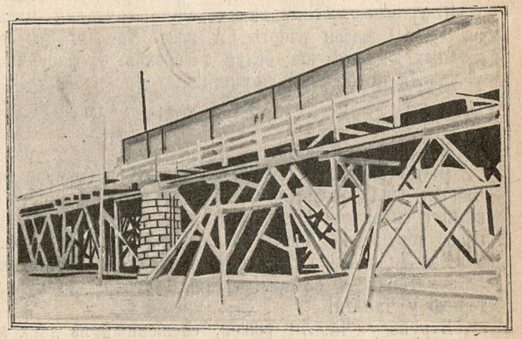
Неправда,— чувствую и я, и вспомнил слова комсомольца: «Сделайте работу по переходам».

Я заинтересовался работой двух молодых товарищей. Один из них сверлил кольца, другой нарезал их на станке, и от сверловщика кольца текли по жолобу к нарезчику. Затрата времени на сверление и нарезку была как раз такой, сколько требуется тому и другому.

Ко мне подошел старый рабочий и сказал:

— Смотришь, как молодые работают? Изобретатели!.. Не то, что мы раньше!.

Года три назад мы к этим машинам и

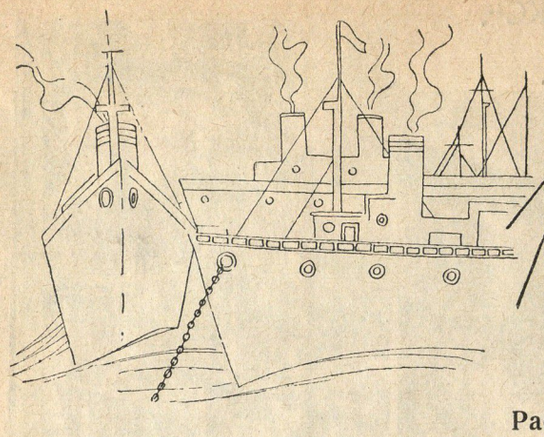
В Туле строится железнодорожный трамвайный мост через реку Упу, в Чулково.

приступить не знали как, а теперь, как хлеб, печем.

Идет работа мыслей и мускулов. Большое напряжение, большой творческий размах,—и все это с сознанием того, что строится новое государство, новое социалистическое общество. Я наблюдаю, вижу все это, и мне становится радостно.

Без четверти три часа. Долгий звонок. Постепенно замирает шум машин. Рабочие в умывальной, потом берут марки. Идут на производственное совещание, культкомиссию, в кружок по изобретениям...

Молчит корпус. Но завтра вновь нальется бодрой жизнью. Рабочие опять будут творить, создавать великие ценности, осуществлять пятилетку.

Три доллара

Рассказ Г. Волдайского.

КОСТЮМ Чао-Ли незамысловат: вылизанные тихоокеанским солнцем голубые трусы да грязноватая повязка на голове. Молодое семнадцатилетнее тело крепко, как бамбук, и по-обезьяньи ловко.

Чао-Ли беднее мыши из порохового погреба, но всегда весел: в его сердце нет места для старушечьей, тягучей тоски.

Розовыми росистыми утрами, в пять часов, поднимается Чао-Ли с тростникового матрасника и спешит на фабричку лысого А-Цзына.

В длинной, словно коридор гостиницы, фанзе-фабричке, в сумраке табачной пыли, желтеют спины рабочих. Человечьих голосов не слышно. Лишь шорохи сухих табачных листьев да редкие вздохи ручного пресса.

Чао-Ли и десяток других Чао-Ли режут табак, прессуют для жвачки, вертят сигары—все вручную. Чашка рису и 40 граммов сухого, как подошва сандалий, мяса—плата за 9—10 часов работы. А мать Чао-Ли? Две сестренки, жадных до риса, как белки до орехов? От фабричного обеда у Чао-Ли не остается крупинки...

* * *

Это было в четверг.

После знойного полдня, закончив работу на фабричке, Чао-Ли взял две корзины, набитые пачками табаку и коробками с сигарами, крепкими, как красный перец, и бамбуковое коромысло. Чао-Ли пошел в порт, к таможне.

Чао-Ли ласково скалит зубы, зазывая прохожих:

— Табак и сигары! Лучший товар для курильщиков только у Чао-Ли!

В руке у Чао-Ли рожок, сложенный из двух крупных раковин. Время от времени, раздув щеки, словно детский резиновый мяч, Ли издает пронзительный свист, чтобы привлечь внимание курильщиков. Тогда морские чайки и ласточки пугливо поднимаются с мачт и рей кораблей, недоуменно высматривая с высоты человечину, производящего такой невыносимый свист.

А Чао-Ли снова скалит зубы, кричит, немилосердно ломая английский язык:

— Лучший товар для курильщиков только у Чао-Ли!

И юного сигаретчика Чао-Ли знали в порту.

Штурманы и машинисты, матросы и кочегары, коки всех цветов кожи, бросая якорь в Фучжоу, по звуку рожка разыскивали Чао-Ли в ярмарочной суете порта и забирали у него табак и сигары.

Чао-Ли честен и верит людям.

У негра Джима, кока с дряхлого «Веселого Альбатроса», шнырявшего между Гонгконгом и Шанхаем, не оказалось денег.

— Поверь, Ли, на обратном пути отдам.

— Бери, Джим, только помни: в срок не отдашь, лысый А-Цзын меня изобьет.

— Есть, Чао-Ли!

Возвращая должок, негр Джим рассказывал о Шанхае, шанхайских гейшах и волшебно-несбыточную быль о профсоюзах и фабриках, где платят в день на десять рисовых обедов. Должно быть, вместо процентов угощал Джим китайцев рассказами...

Ирландец Майкель, рыжий, как ржа на ракушках, такой аккуратно возвращал долг и всегда подносил китайцу стакан рисовой водки.

Чао-Ли был честен и верил морякам.

Дружбу Чарли (бой из таможни) Ли завоевал своим рожком.

Чарли остолбенел от восхищения, впервые услышав визг ракушек Чао-Ли. И тут же пошел на соглашение:

— Давай так: в свободное время я буду приходить и свистеть в раковины и сообщать тебе, какие суда приходят.

— Есть, Чарли!

Это было в четверг.

Когда солнце-дракон сползало в океан, цепляясь за лес корабельных мачт, Чарли, усладив свой слух визгом рожка китайца, сказал:

— «Миледи» приходит завтра.

— О-о! За штурманом «Миледи» Гарвеем три доллара. Вот уже четвертый приход в Фучжоу он не возвращает долга. Хозяин грозится избить меня и выгнать.

— «Миледи» приходит за полдень.

Сердце Ли щемит страх и надежда: пожалеет Гарвей трехдолларовой бумажки, и выгонит сигаретчика лысый А-Цзын, исполосовав спину Ли бамбуковой тростью; сумрак голода окутает фанзу Ли; станут болеть и неслышно, как первый утренний ветерок, умрут сестренки, а мать, старая Ляо-Че, высохнет в лист табачный, похоронив улыбку глубоко-глубоко в узких глазах...

Отдаст Гарвей,—все хорошо. Даже мясо для сестер будет раз в месяц.

Так думал Ли, возвращаясь домой четверговым вечером.

* * *

Злое небо над портом опрокинуло чашу золотисто-серого зноя. Казалось, воздух плавился и жидким свинцом вливался в грудь. Но гомон порта не угасал: кули, односложно перекликаясь, конвейером тянулись с берега на суда; старшинки артелей, стоя под зонтами или полотняными навесами на кораблях, неумолимо следили за погрузкой; рассерженные зноем, урчали грузовики, с натугой уползая с трехтонной поклажей; сновали юркие рикши, развозя белых моряков по курильням, барам, чайным домикам; курлыкали электрокраны, грозными гудками пробивая дорогу—среди людей на земле, в паутине мачт—в воздухе; над сизо-зеленым стеклом бухты висел непрерывный стон буксиров и таможенных катеров...

Бой Чарли выскочил из пекла таможенной конторы и крикнул Ли:

— Штурман с «Миледи» здесь, Ли!

Чао-Ли радостно-звонким визгом рожка приветствовал сообщение. Сигаретчик примостился в тени оконного навеса и терпеливо ждал штурмана Гарвея, Ли боялся нынче думать, отдаст или нет Гарвей доллары за табак...

... в дверях таможни — штурман Гарвей, блистая снежно-белым костюмом и золотым галуном на кепи.

Чао-Ли, не помня про тяжесть корзин, бросился к нему.

— Сэр... Сэр Гарвей, это — я, Чао-ли, сигаретчик...

— Что тебе, обезьянка?

— Хозяин, сэр, грозится выгнать меня за ваш должок, сэр. Всего лишь 3 доллара, сэр. Отдайте, сэр!..

— Что-о? Долг? Тебе, косая мартышка?

— Сэр, он грозится выгнать...

— Офицер флота его величества должен тебе, желтая собака? Как ты смеешь!

Жгучая пощечина сбила китайца с ног. По асфальту рассыпались пачки табака и сигары.

— Всего три доллара... Только три, сэр...

— Еще урчишь, звереныш? А-а! Ладно, я заплачу. Идем, идем на «Миледи»!..

У блестящего штурмана трясутся губы от гнева. На висках дрожат фиолетовые жилы. По асфальту он тащит Чао-Ли на «Миледи».

— Сэр, сэр! Не надо долларов!.. Товар!.. А-Цзин убьет меня.

Гарвей приволок Чао-Ли на корабль и бросил в каюту.

— Ты хочешь долг получить, собака? Держи?—Гарвей бросил на пол скомканную бумажку.

— Не надо, не надо денег! Не бейте, сэр!

— Бери!—в руке Гарвея сверкнула верблюжья плеть, и только сухая рука китайца протянулась к долларам, его ожгла плеть, рубец загорелся кровью. Ливень ударов! Ли закричал, но плеть разорвала рот. Ли вскочил, зубами вцепился в хлеставшую руку и повис на ней. Гарвей свободной рукой схватил плеть и рукоятью налитой свинцом ударил Ли по голове. С неслышным стоном, зелено-пепельный, мешком свалился Чао-Ли на пол. В исступлении штурман бил уже мертвого Ли, пока не отрезвил его смертельный оскал зубов...

— Ужели умер?

Перевязывая укушенную руку, штурман заметил капли крови на снежных брюках:

— Га-а-дина! Костюм испортил!..

Умылся, позвонил и приказал дневальному:

— Убери эту желтую падаль. Заройте в угольной яме.

* * *

На утро Чарли принес старой Ляо-Че полуразбитый рожок из ракушек и молча положил его у порога.

Ничего не сказала старая, только губы глубже ушли в беззубый рот.

К Е Р Е Н С К И Й.

Александр Федорович,
ваш пыл
не убит
годами
и,
соблюдая
традиции,
кажись,
вы женились
на светской даме,
(Ведь, как-нибудь надо кормиться!).
Но пламень мечтаний
не угасили,
даже женясь,
и, раздув карманы,
вы грустите с женой
О России
и о балтийских туманах.
Вы помните:
Осень над страною вздыхала,
рвался флаг
окровавленной птицей.
Вас смел,
как листву,
октябрьский хаос
на бульвары,
в кафе, —
за границу.
И присвоил себе, —
я уверен,
вам больно, —
потрепанный
термин «эмигрант».
Не раз ресторан
казался вам
«Смольным»
и канонадой
джаз-банд.
Прошумит запоздавший
стосильный «Рено»,
выплюнут
пьяных гуляк
рестораны...
У нас в это время,
быть может, в кино
глядят
ваш двойник
на экране.
Вы же,
тем временем,
модно одет,
сидите
с супругой
скучая.
Александр Федорович,
двенадцать лет
вы не пили
российского чая!
Двенадцать лет
шрапнели
не рвутся,
Двенадцать лет
у нас
революции!
Двенадцать лет —
не фунт карамели.
Изливать
нам
о вас
тоску ли?
Двенадцать лет
вы толчете
панели
Ньюйоркских
бешеных
улиц.
И в кафе
до утра,
от тоски обессилив,
истощая
за стойкой
карманы,
Вам дано
лишь мечтать
о России
и
о балтийских
туманах.

Сергей Володин.

М О С Т О В А Я.

Она лежит, не уставая,
Всю ночь в проплешинах огня,
Как зыбь морская
— Мостовая,
Как чешуйчатая броня.
В ее изодранное тело
Впились железные шнуры,
И гребешок столбов дебелых
По обе стороны зарыт.
Ночные шорохи столицы
Глубокомысленно тихи,
Как будто время перелиться
Желает в нежные стихи.
И кажется, что нет трамваев,
Что век не тот и свет не тот
И что, размеренно шагая,
К сенатской гвардия идет.
И там, где сбились декабристы,
Она распалась на бруски,
И трет, взволнован и неистов,
Рылеев взбухшие виски.
Сменить года,
И мостовая
Осенним глянцем зацветет;
Косые флаги поднимает
Мятежный пятый год.
И шлет он гул к заводской Пресне.
Он кровью выпавшей богат;
Он обволакивает Пресни
Слоистым дымом баррикад.
Штыки и сабли ощетинив,
Шрапнелями свистя,
Его сменить идет
Отныне
Борьбой отмеченный Октябрь.
Но годы ближе.
Ближе гул их.
И вот по звонкой мостовой
Несут плакаты о прогулах
И о закрытии пивной.
И каждый знает, что проникнут
Огнем и силой наш разбег
И что по жесткому граниту
Ведет нас выверенный век.
Ночные шорохи столицы
Глубокомысленно тихи,
Как будто время перелиться
Желает пламенно
В стихи.

Ф. Сачков.

ПОМОЧЬ РОСТУ ПИСАТЕЛЯ-КРАСНОАРМЕЙЦА.

(*Красная армия в художественной литературе*).

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ казарма, это— кузница, где выковывается боеспособная, готовая каждую минуту дать отпор врагам СССР армия, и в то же время переваривается разрозненный сырой человеческий материал из деревенской и рабочей молодежи. Именно здесь, в красной казарме, происходят перевоспитание и закалка молодняка-общественника, который, возвратившись к себе в деревню или на фабрику, начинает активно перестраивать жизнь на новый лад, перенося туда опыт Красной армии.

Жизнь Красной армии и быт красной казармы нашей художественной литературой отражены еще слишком недостаточно и бледно. Многие писатели, и даже пролетарские, к темам из военной жизни относятся пренебрежительно, а между тем красная казарма, где происходят коренная ломка и перерождение людского сырья, могла бы служить очень хорошим об'ектом для писателей.

Правда, о Красной армии периода гражданской войны мы имеем довольно пространную и качественно-ценную литературу; о ней писали очень многие писатели, примерно, Д. Фурманов, Серафимович, Фадеев и др. Но большинство их произведений рисует либо партизанское движение в гражданской войне, либо армия показана той вольницей, которой она действительно была в первые годы своего существоваоия, будучи построена на обломках царской армии и сильно разбавлена неорганизованной деревенской массой.

Теперешняя Красная армия, как хорошо вооруженная, прошедшая коммунистическую школу красной казармы и организованная опора пролетарской диктатуры, отражения в художественной литературе в должной мере не получила.

Условия сегодняшнего дня, когда каждый час нарастает военная опасность, диктуют нам, как необходимую меру для поднятия боевого духа у рабоче-крестьянской массы, воспитывать последнюю на боевой романтике славных подвигов 19—21 годов. Нельзя говорить, что гражданская война уже достаточно описана, что темы, так сказать, использованы. Пролетарские писатели еще не раз должны будут вернуться к тем героическим дням, которые описаны, может быть только в сотых долях действительности.

Если о Красной армии военного времени еще кое-что написано, то об армии мирного времени литературных произведений нет почти совсем. А между прочим скованная в боях гражданской войны, социалистическая армия Советского Союза имеет свою, чисто товарищескую дисциплину, свой быт и свою работу, все слишком резко противоположное армиям наших соседей-врагов.

Настоящая Красная армия и тип настоящего красноармейца до сих пор не даны. В литературе о гражданской войне были попытки отобразить красноармейца, но эти попытки удачными назвать нельзя. Обыкновенно такой тип давался слишком бледным, мало заметным на общем фоне и сейчас же терялся среди прочей массы, не оставляя о себе впечатления. Конечно, не может быть никакого спора: жизнь и быт красноармейской казармы могут дать писателю неисчерпаемый запас тем. Процесс перевоспитания деревенского парня-индивидуалиста в интернациональном духе, разрешение его бытовых и общественных устоев, полная культивизация и приобщение к коллективу, выдвижение на командные должности путем подготовки на курсах и в школах и целый ряд других психологических процессов дают такое широкое поле деятельности для литературы, что говорить об отсутствии сюжетного узла, необходимого для художественного произведения, не приходится.

Однако необходимо сказать, что поверхностного знания источников материала недостаточно для создания художественного производения о Красной армии. Прежде чем писать о ней и о ее быте, нужно детально изучить казарменную жизнь, все мелочи и детали, не изучив которых ничего похожего на действительную жизнь Красной армии не дашь.

У нас в ТАПП'е поступают материалы от начинающих писать товарищей, при чем один из них дает целый ряд очерков из жизни деревни.

Не спрашивая автора, кто он по происхождению, взяв только его произведение, с первых строк убеждаешься, что он не только не знает жизни деревни, но даже представляет себе советскую деревню такой, какой она описана в былое, давно минувшее время, при чем вся разница между этим далеко не похожими одна на другую деревнями заключается у него только в том, что вместо избы старосты показали сельсовет.

Присмотревшись ближе к товарищу и порасспросив его, убеждаешься, что деревню он знает понаслышке, сам безвыездно живет в городе и работает, как и дед его и отец работали, на заводе.

Конечно, при таких условиях художественно ценной и правдивой картины жизни деревни требовать от него и нельзя. Спрашивается: почему же он, рабочий до мозга костей, стал писать о деревне, а не о своей фабрике, не о своей мастерской?

Однако перейдем к основой теме— к Красной армии.

Итак, в начале этой статьи мы говорили, что настоящего красноармейца настоящей красной казармы еще не дано. И сейчас следует подчеркнуть, что не дано только потому, что у нас почти нет выявившихся писателей-красноармейцев. Только они, сами переживающие, сами строящие быт армии, могли бы справиться с этой почетной и ответственной задачей.

Вернемся немного к истории литературы: разве лучшие произведения о войне и об армии не дали писатели-офицеры и солдаты? Возьмем Толстого-офицер, Гаршин—солдат и участник русско-турецкой войны, Вересаев-врач, участник русско-японской войны, Анри Барбюс солдатом французской армии сидел в окопах империалистической войны 1914—1918 годов. Это подтверждает, что дать настоящее изображение того или иного эпизода может только видевший и переживший его.

Лучшие книги по истории нашей гражданской войны дали те писатели, которые были в рядах Красной армии, в партизанских отрядах и принимали в войне непосредственное участие (Фурманов и другие).

Отсюда ясно, что подлинную жизнь красной казармы может дать только вышедший из ее недр писатель.

Тула имеет начинание в этой области. При Доме Красной армии работает литературный кружок, который со временем может дать необходимого художника-литератора.

Уже сейчас ряд товарищей из кружка пишет стихи, очерки, рассказы. Конечно, нельзя думать, что из всех них должны выйти писатели и поэты, но при известной затрате энергии на учебу часть из них писать будет.

О литкружке ДКА следует сказать еще несколько слов: во-первых, он сейчас засорен посторонним, случайным элементом, который только мешает кружку; во-вторых, часть кружковцев упорно не желает переходить на творческие темы о жизни Красной армии и блуждает на «далеких» темах, о которых зачастую имеет только поверхностное представление.

С выделением в ДКА нового руководителя ТАПП вопросами чистки кружка и перехода на новые рельсы придется заняться серьезно.

Мы должны помочь росту писателя-красноармейца, строителя и защитника социалистической страны.

УДАРНИКИ.

ЭСКИЗ

Андрея Кремня.

Ударникам тульского артполка посвящаю.

Автор (член литкружка при Доме Красной армии) в этом эскизе показывает, как ударничество от заводов перебрасывается в красноармейские казармы.

Примерная, образцовая во всем работа, сопровождает ударничество. И тут вредит пробравшийся в ряды Красной армии классовый враг. Его разоблачают и гонят из Красной армии.

В высокие, одетые узорчатым инеем окна забрезжил первый свет зимнего утра. В полумраке комнаты в бесформенных тенях сливались красноармейские койки. В корридоре бледно горит лампочка, светя уставшему дневальному. Глаза дневального настойчиво боролись с дремой.

Как будто в ожидании чего-то сонная казарма насторожилась. Большинство спящих проснулось. Где-то внизу сигналист взял первые две ноты... Ту.р.у.у..ру..у — ударил звук, и спящих не стало: сброшен крепкий утренний сон.

Петр Смурый, командир орудия, таил в себе давнишнюю мысль: сделать свое отделение образцовым.

— Но как?—настойчиво работала мысль. Хотелось сделать что-то невиданное.

В обеденный перерыв Петр собрал свое отделение.

— А если нам, товарищи, сделать то же, что рабочие? Об'явить себя ударными?

— Эк, выдумал! Я не согласен. Что, мы мало работаем, что ли? И так свободной минуты нет,— возразил ему красноармеец Вознесенский.

Красноармейцы стали шумно возражать Вознесенскому, всегда выступавшему против всяких начинаний не только в отделении, но и во всем дивизионе.

— Эх, ты! Не похож ты, парень, на нас сказал Вознесенскому Смурый. — Смотри! Ты не воображай из себя Троцкого! оппозиция!..

Шумно и весело выходили из зала красноармейцы.

Они теперь — ударники!

Только один Вознесенский смотрел хмуро и кисло морщил лицо, желчно кусая тонкие губы.

Шли дни за днями, неделя за неделей, и первое отделение N дивизиона становилось все более и более показательным. Туго приходилось Вознесенскому: его мысли и желания шли в разрез с его работой. Отстать от ребят ему было никак нельзя; но мешкотность его в работе все же отражалась на боевом темпе отделения.

— Эх, убрать бы тебя из отделения! — с досадой думал Смурый, глядя на Вознесенского, когда тот своей медленной седловкой тормозил быстрый выезд орудия на учение. — Что это за тип? Словно вредитель какой!..

Близилась годовщина Красной армии. Однажды на вечерней поверке старшина дивизиона об'явил о предстоящем большом отрядном учении.

— Ну, ребята, это будет смотр нашего ударничества! Не подкачаем?

— Не подкачаем!—ответили в один голос красноармейцы.

— На другой день, по тревоге, дивизион через 12 минут был в полной боевой готовности. Ударное отделение свою работу сделало в шесть минут.

В походе орудийный начальник Смурый получил боевую задачу: влиться в головную походную заставу для усиления огневых средств. Походная застава столкнулась с «миллионным» «противником» и, развернувшись, вступила с ним в встречный бой. Смурый получил приказание занять огневую позицию. Через одну минуту отделение привело свое орудие из походного в боевой порядок. Связь с командирским пунктом установили в полторы минуты, и, по получении цели от начальника походной заставы, орудие открыло огонь через 50 секунд.

Смурый весело крикнул:

— Огонь!

Наводчик Лизарев хмуро сдвинул брови; снаряд далеко ушел влево и разорвался и где-то за перелеском. Беспокойно взглянув на панораму, Лизарев навел вторично и тогда только понял причину непопадания, так сильно поразившего его, так как это случилась с ним впервые: волоски в панораме были сильно смещены от центра в сторону.

— У, дьявол! Кто же надумал это сделать?

Моментально исправив панораму, Лизарев снова навел орудие... Но выстрел опять был неудачен: произошел преждевременный разрыв, шрапнель широко рассеялась по полигону, не причинив никакого вреда мишеням.

— Ох, сорву ударничество!—ужалила мысль наводчика.— Быть того не может...

Третий выстрел. Снаряд верно полетел по установленному направлению, но... разрыв был слишком поздний — у самой земли, оставив целыми мишени.

Лизареву казалось, что мишени смеялись над ним, хотя их не было вовсе видно...

Смурый злобно крикнул:

— Что ты там делаешь? Начальник все время звонит, что пехота не может дальше продвигаться. Пулемет «противника» пригнул ее к земле; без нашей поддержки пехота не может продвигаться вперед. Ты наступление срываешь!..

Ударник покраснел до корня волос.

— Дай я сам—в волнении встал у орудия Смурый.— Но выстрел его был также безрезультатен. Казалось, почва уходила из-под его ног. Ведь срывалось все ударничество!

Полевой телефон снова зажжужал. Лизарев приложил трубку к уху.

— Говорит начальник походной заставы. Дивизион откроет свой огонь не ранее, как через 15 минут, так как он только развертывается. Приказываю улучшить стрельбу и подавить пулеметный огонь противника.

— Слушаюсь, тов. командир! Через две минуты пулеметный огонь будет подавлен.

В это время под'ехал секретарь партячейки дивизиона и, увидя Лизарева, с насмешкой крикнул:

— Эй, Лизарев! Оторг ты комсомольский, а одно дело прозевал. В твоем отделении кто есть?

Он указал на Вознесенского.

Вознесенский производил установку дистанционных трубок для разрыва на определенном расстоянии.

Смурый подал команду.

— Трубка 12!..

— Ах ты, сволочь паршивая! Ты чего же ставишь шрапнель на 10, коль команда дана на 12! гаркнул Лизарев на Вознесенского. Так вот почему мы никак не можем подавить пулеметный огонь! Ах, гадюка! И панораму-то ты испортил.

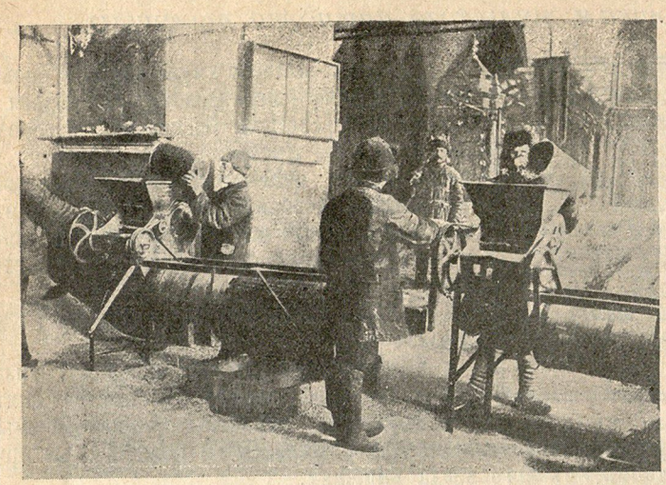
Вырвав снаряд из рук Вознесенского и поставив его на 12, он передал номеру. Выстрел... и шрапнель разорвалась над мишенями. Мишень упала.

— Пулеметный огонь противника подавлен! Стрелковым отделениям перейти в наступление!—подал команду начальник походной заставы.

Ударники свой боевой экзамен выдержали и разоблачили вредителя в отделении—Вознесенского, оказавшегося сыном попа. Как затравленный зверюга, злобно поблескивая глазами, с пожитками за плечами, поехал Вознесенский из армии к «милому папеньке», как он величал своего отца в письмах к нему.

ФОТО-ХРОНИКА.

Фото Громова.

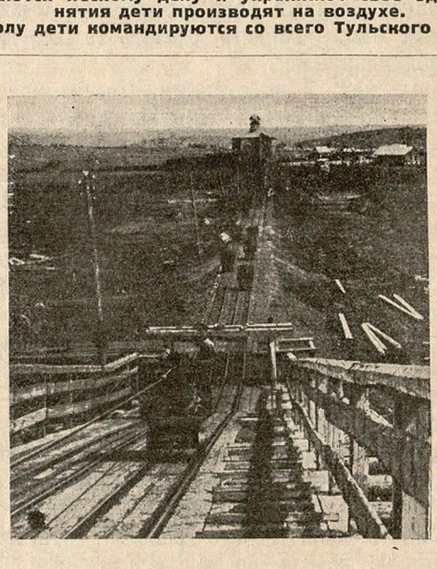

КОЛХОЗНИКИ К СЕВУ ГОТОВЫ. На снимке: колхозники села Чернавы за сортированием шатиловского овса в помещении церкви, использованной под ссыпку обобществленных семян.

В Скопинском районе есть лесная школа санаторного типа. Дети там обучаются лесному делу и укрепляют свое здоровье. Занятия дети производят на воздухе.
В школу дети командируются со всего Тульского округа.

На руднике имени Рыкова, благодаря вопиющей бесхозяйственности, безответственности руководства, в первом квартале недовыполнена программа на 28 проц. Январь и февраль принесли еще большие ухудшения. С 1927 года рудник ни разу не выполнил программы. Рабочие об'явили себя ударными, но помощи адмтехперсонала не видят. Условия труда отвратительные.
— Рудник должен быть и будет улучшен, прорывы будут ликвидированы — заявили рабочие-ударники.
На снимке: шахта № 7, механическая подача и мех. откатка.

Фото Федорова.

Клубы все больше привлекают и организуют жен и детей рабочих.
На снимке: занятие кружка кройки и шитья при клубе „Красный Строитель".

Клубы организуют и воспитывают детей рабочих. При каждом клубе работают пионерские форпосты.
На снимке: пионерский отряд при клубе „Красный Строитель".

О ПЕРЕСАДКЕ ГРАФСКОГО САДА НА МУЖИЦКИЕ ОГОРОДЫ.

(*Новое о Льве Толстом*).

Не так давно, в дни юбилейных олстовских торжеств, в нашей прессе ыли помещены материалы о том, что олстым в свое время писались письма арям (к Александру и Николаю). Эти исьма касались сравнительно «высокой атерии», и хотя они были продиктоаны лицемерным непониманием того, то царь не мог и никогда бы не заотел внять голосу Толстого и что исьма к царю Толстого, это—только ишнее доказательство тех противоречий, оторые Толстой носил в самом себе, о все же ведь не копеечные шкурные нтересы защищал Толстой, когда подобострастно обращался к монархам (в одном письме, например, он просил помиловании революционеров).

До сих пор еще не было обнаружено, что Толстой имел тесную связь с царскими прислужниками для борьбы с крестьянами, для того, чтобы защищать от крестьян свою собственность, живой и мертвый инвентарь своего большого имения.

Но вот теперь мы имеем в руках документ, который рисует Толстого, как от'явленного собственника-помещика.

Тульским окрархбюро отыскано дело тульского губернатора «об украденных у Льва Толстого двух лошадях».

С этим делом я и хочу познакомить широкие массы трудящихся.

Дело начинается с подлинного письма Льва Толстого к тульскому губернатору (письмо датировано 23 апреля 1864 года).

Вот что пишет Толстой:

«Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Петр Максимович!

Воровство в нашей местности с каждым годом увеличивается. Дерзость воров, уведших у меня лошадей, коров, овец и укравших весы с амбара, дошла до того, что прошлой осенью почти перед домом выкопали молодые яблони и увезли. Садовник мой нашел яблони у соседнего мужика, представивши явные доказательства срезки ветвей и прошлогодней, а не осенней, пересадки по положению корней.

Я об'явил о пропаже и находке тогда же и волостному правлению и становому. Посредник мне отвечал бумагой, что яблони не мои и что я имею купить другие (что я и сделал), а становой ничего не сделал, и не ответил на неоднократные мои просьбы. Мужик же должно быть собирается пересадить весь мой сад на свой огород.

Ваше превосходительство, пожалуйста, защитите меня. Я стараюсь не беспокоить вас, но иногда становится невозможным.

Вашего превосходительства покорный и уважающий слуга

Граф Лев Толстой».

Губернатор на этом письме наложил строгую резолюцию: «Дознать, донести, прекратить беспорядки».

Мы знаем, что эти слова обозначают. Пришел в движение весь механизм власти: от уездного исправника, станового, посредника, волостного правления, уездного суда вплоть до старшины, понятых и «совестливых людей» (были тогда такие).

Лев Толстой сказал в письме, что дерзкие воры увеличиваются. Кто же эти воры?

Некоторых воров Толстой дополнительно указывает: это—обыкновенные крестьяне—Яков Кузьмин и Егор Алексеев (из с. Мясоедова) и Петр Елисеев (из с. Телятинки). Может быть, это—действительно воры: ведь, Толстой прямо говорит, что с поличным поймали (с яблонями)?

Следствие выяснило, что Толстой клеветал на крестьян. По показанию следственных властей и садовников-экспертов, «яблони в саду крестьянина Елисеева не признаны похожими на яблони графа».

Собственность ослепляет. Лев Толстой был в то время целиком во власти собственности.

Про тот период, о котором идет речь, пишут неверно.

Не мало исписано бумаги о том, что в качестве мирового посредника Толстой действовал в интересах крестьянства. Не пора ли подвергнуть основательной ревизии все то, что рисует Толстого не таким, каким он был?

В небольшой статье невозможно привести возмутительных выдержек из статей и книг, где Толстой выставляется как защитник интересов трудового крестьянства.

Толстой, как художник, как даже обличитель, велик.

Никто не собирается снизить значение Толстого.

Но того обстоятельства, что Толстой был крепко связан с классом помещиков и феодалов-дворян, нельзя забывать.

Прочитав приведенное здесь письмо Толстого, каждый рабочий и крестьянин скажет:

— Вот как все-таки Толстой относился к крестьянам! Велика сила классовой привычки, классовых интересов!

И как характерна, даже великолепна фраза Толстого о том, что «мужик собирается пересадить барский сад на свой огород».

Н. Добротвор.

ХРОНИКА.

Среди скопинских поэтов.

Скопинская литературная группа—отделение ТАПП—насчитывает в своих рядах 7 членов: 4 поэтов, 2 беллетристов и 1 драматурга. Свои творческие занятия они посвящают исключительно читке, разработке и критике своих произведений и разбору произведений современных писателей.

Литвечера.

Группа проводит литературные вечера. В годовщину Красной армии будет проведен вечер с докладом: «Красная армия в художественной литературе» и с читкой произведений членов группы.

Творческая работа.

Из творческой работы группы наиболее выделяется пьеса т. Неклюдова «Два пути» (тема — строительство крупного колхоза). Автором уже заключен договор на постановку и издание этой пьесы через Поленовский Дом Искусств и Теакинопечать.

Литкружок на Победенке.

Группа многое сделала по организации литературного кружка на Октябрьском Поле Победенских шахт. В кружке—4 рабочих и 3 служащих. Все—рабкоры.

Группа своими силами проводит занятия кружка — 1 раз в пятидневку. Члены группы по очереди делают выход «на своих двоих» (выезжать не на чем,—пока никто нейдет им на помощь) из Скопина на рудник и проводят там занятия. За основу занятий взята программа кружков РАПП.

В феврале намечено провести в клубе шахт большой литвечер с докладом о задачах пролетарской литературы.

Несомненно, этот вечер даст новые силы шахтеров в литературный кружок.

Литвечер в клубе „Профинтерн".

31 января в клубе «Профинтер» членами тульской ассоциации пролетарских писателей был проведен литературный вечер.

После небольшого вступительного слова о работе ТАПП'а выступили с читкой произведений писатели Федор Кузнецов и Сергей Володин.

Необходимо отметить повышенный интерес присутствовавших к пролетарской литературе.

12732

ОТВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПИСАТЕЛЯМ.

Б. Волкову, ст. Узловая. — Ваши стихи слишком стары по теме, местами доходят до голого подражания кулацко-крестьянским поэтам—Орешину, Есенину:

Да ведь сам я ушел давно
От сохи и от пажитей мирных.
Нам теперь лишь одно дано:
Слушать шум голосов трактирных.

Или:

Пройду широким полем,
Пройду — остановлюсь
И буду петь на воле
Про каменную грусть.

Писать вы можете, только надо выбирать более созвучные нашей эпохе темы. Кому нужны эти стихи в тот момент, когда в деревнях идет сплошная коллективизация и классовая борьба?

Присланные не пойдут.

Н. Сфинксу, г. Ефремов.— Стихотворение «В лунную ночь» написано бессодержательно, часты ритмические срывы и много безграмотных фраз:

Ничего бы я не делал, ни о чем не *помышлял,*
Все бы думал я и думал, и ночь целую молчал.

Надо меньше писать стихов и больше учиться у современных пролетарских поэтов.

Второе используем.

Марину, село Гринищи. — Темы ваших стихов современны, но написаны они слишком слабо: масса прозаических мест и в большинстве случаев без рифмы:

Сбежал домой от паразитов
К своей я матери-старушке.
Вместе с матерью плакали от наймитов.
Мать жалела и гладила меня по головуш'е.

Не спешите писать, гонитесь не за количеством, а за качеством. Больше работайте над стихами, читайте пролетарских поэтов.

А. Васину, Тула.— Ваше стихотворение «Пахарь» написано слабо. Мучений старого пахаря вам показать не удалось. Много неграмотно построенных фраз, рифма в данном стихотворении почти совершенно отсутствует:

Пашет пахарь на поле суровом,
Проливая поты над сохой,
И кричит, напрягаясь со всех сил:
— Ну, коняга, иди бороздой!

В дальнейшем стремитесь не делать таких выражений, как: «Проливая поты над сохой».

Надо больше работать над стихами.

Дм. Сулимову, Тула.— Все присланные вами стихи по теме очень близки нашей эпохе.

Беда в том, что вы плохо владеете поэтическим языком. Часто встречаются почти бессмысленные фразы:

Скоро вечер в белой майке
Унесется, как мечта.
Затанцуют в красном лаке
Ночи темные уста.

Но есть места, которые сделаны сравнительно хорошо:

Что-б с каждой кладкой кирпича
Осуществлялися проекты.

Это говорит за то, что писать вы можете. Остается одно: больше работать над собой.

Ив. Никишину, Ясная Поляна.— Стихотворение «Колокола на трактора» написано слабо:

Поп своим набатным звоном
Нагонял волшебных дум
И своей поповской песней
Затемнял крестьянский ум.

Получились просто плохо рифмован строчки. Для читателя такое стихотворе абсолютно не интересно. Учитесь вкла вать в стихи больше чувств и мыслей.

Петру Трунову, ст. Щекино. — Стихи коммуне», «Осень и зима» сделаны слаб смысле построения фраз:

Не жизнь настала, а малина
В стране варварской и глухой,
При жизни лорда-господина,
Где было множество рабов.

В данном четверостишии у вас выпир две строки. Смотрите, что получается:

Не жизнь настала, а малина...
При жизни лорда-господина.

Конечно, вы не хотели этого сказать, а у вас получилось потому, что вы не о даете мастерством стихотворения.

В дальнейшем стремитесь выражать за манную мысль ясней.

Игн. Александрову, поселок Грачев Стих. «Песнь старых бойцов» на мотив родина», как вы пишите сами, не пойде

Нет, не забыть нам то'былое,
То время битвы удалое,
Что помнит еще мир,
Когда дрались мы за свободу,
Кровь проливали, точно воду,
Что-б волю дать всему народу,
Разбить владык кумир.

Наше время, время индустриализа коллективизации и других социалистичес сдвигов, требует не только нужного нам держания в поэзии, но и ритма и мот близких и понятных нам. Содержание с хов современное, близкое нашей эпохе, ритм старый.

ПРОЧТИ и ПОДПИШИСЬ!

„ОКТЯБРЬ“ —старейший рапповский журнал. „ОКТЯБРЬ“ за годы своего существования воспитал многих начинающих пролетарских писателей, вывел их на широкую литературную дорогу. „ОКТЯБРЬ“ ведет воспитательную работу с творческим активом нашей организации.

Лучшие произведения пролетарской литературы печатаются на страницах „ОКТЯБРЯ“. Качественный рост „ОКТЯБРЯ“ за последний год отражает качественный рост всей пролетарской литературы.

„РОСТ“ —новый, только в этом году начинающийся изданием журнал. Наша организация долгое время готовилась к изданию своего массового журнала. Вопрос о массовом лит.-худож. журнале неоднократно прорабатывался в наших ассоциациях. „РОСТ“ — рассчитан на массового читателя. В задачи „РОСТА“ входит большая воспитательная работа с начинающими пролетписателями, выявление низовых творческих сил. Задача „РОСТА“—знакомить с нашей пролетлитературой наиболее широкие рабочие читательские массы.

„На литературном посту“ — Журнал осуществляет литературно-политическое, идейное, творческое руководство нашим движением.

Журнал помещает литер.-полит. статьи, ставит и разрабатывает творческие проблемы нашего движения, помещает материалы по конкретной критике литературных произведений. Не может быть ни одной ассоциации, не прорабатывающей вопросов, ставящихся в журнале „НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ“.

Роль всех трех наших журналов в нашем движении очень велика.

Через журналы идет литературно-политическое руководство, через журналы идет выявление новых сил пролетлитературы и их творческое воспитание, журналы несут пролетарскую литературу в рабочие массы.

Издатель—газета „Коммунар“. Редакционная коллегия { А. Ярцев, С. Володин, В. Старцев.

Тулокрлит № 251 Типография Тулпечати. Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 1242 Тираж 3000 экз.